

АЛЕКСЕЙ КУНИН

БЭКАП

Алексей Кунин

Бэкап

«Мультимедийное издательство Стрельбицкого»

Кунин А.

Бэкап / А. Кунин — «Мультимедийное издательство
Стрельбицкого»,

Опасайтесь своих желаний. Ведь иногда они исполняются. Кто из нас хотя бы раз в жизни не задумывался о возможности бессмертия? Питер Рыкоф, прошедший за девяносто три года долгий путь — от эмигранта, солдата, наемника, до миллиардера и владельца крупнейшей частной военной компании, готов отдать все состояние за шанс жить вечно. И вот он уже заключает контракт с таинственной корпорацией «Церебрум», но после операции, которая должна принести бессмертие, приходит в себя в морге, голый и босый. Кто-то должен ответить за обман. Но был ли обман?

© Кунин А.
© Мультимедийное издательство
Стрельбицкого

Содержание

1	5
2	9
3	11
4	14
5	17
6	20
Конец ознакомительного фрагмента.	22

Алексей Кунин

БЭКАП

1

– Интересно, кто тренировал этих бойскаутов? Накадзава-сан, вы не знаете?

– Откуда мне знать? В отличие от вас, я не имею отношения ни к полиции, ни к армии. И несколько об этом не жалею. Я еще раз вызываю к вашему благоразумию...

– К моему благоразумию? Как вы там меня называли? Грязный наемник, у которого руки по локоть в крови? Я не ошибся?

– Признаю, это было глупо и неосторожно с моей стороны, но я был в несколько...взвинченном состоянии. Прошу меня понять.

– Отлично вас понимаю, иси¹.

Я крутанулся в кресле, взглянул на японца и бельгийку, мимолетно убедившись, что наручники все так же надежно сковывают запястья заложников с подлокотниками кресел, и вернулся к камерам слежения. На центральном мониторе как раз можно было наблюдать, как десяток расплывчатых силуэтов скользит между деревьев парка к одному из боковых входов в корпус «Е»: в нем размещалась силовая установка, питающая весь комплекс.

Вот ведь материал нынче негодный пошел. Думают, если упаковались в «Голиафы», последнюю разработку «Japan armored systems», включили «хамелеоны», то теперь им и сам черт не брат. Нет, двигались они *правильно*, двойками, расчетливо страхуя друг друга, используя особенности ландшафта, явно созданного поклонником фэн-шуй. Я усмехнулся пришедшей на ум мысли: можно ли сказать, что парни передвигаются гармонично? Но, как бы там ни было, самоуверенность в этой работе всегда опасна.

Что бы их командиру не убедиться, что комплекс «Церебрума» оснащен несколько лучшим оборудованием, чем какой-нибудь банк или торговый центр? И в это «несколько лучше» входят не только «Циклопы», воспроизводящие сейчас на экране температурные контуры фигур штурмовиков. Да, конечно, можно сделать скидку на то, что им не сказали, кто именно захватил комплекс. Подумаешь, старик миллиардер, божий одуванчик, одной ногой стоящий в могиле, внезапно сбрендивший и угрожающий жизни персонала – плевое дело для ребят из токийского SATa².

Дождавшись, пока первая двойка доберется до точки, изумрудно подмигивавшей на экране, я взял стилус и прошелся лазерным лучом по плывущим в воздухе символам, запуская наскоро составленный, вместо беззубого местного, пакет защитных кодонов. Первый сюрприз, стандартный «Райдзин», окативший штурмующих фонтаном нехитрой, но эффективной смеси химикатов, нейтрализовал «хамелеоны», но большого впечатления не произвел: бойцы лишь ускорили бег, пытаясь добраться до входа в здание.

Не погасили их порыв и пара установок «Роя», осыпавших стремительно приближающиеся фигуры градом световых гранат: безгильзовые Heckler`ы, оснащенные системами интеллектуального наведения, сработали безупречно, уничтожая снаряды еще в воздухе. Нейропарализаторы «Горгон», клейкие арамидные сети «Ретиариус» также не стали для штурмовиков непреодолимым препятствием. Один за другим, словно на полигоне, атакующие справились с остальными задачками боевых программ, пробиваясь ко входу в здание. Со стороны

¹ доктор (яп.)

² Special Assault Team, специальная штурмовая группа, антитеррористическое подразделение Национального полицейского управления Японии

сцена штурма наверняка выглядела весьма эффектно и драматично, приводя в экстаз новостные каналы, особенно когда в дело вступили «Смауги», разогнав ранние городские сумерки огненными струями.

Несмотря на стандартные кодоны, применявшиеся службой безопасности, «Церебрум» имел гораздо более высокий уровень защиты, чем мог себе представить сторонний наблюдатель. Потратив больше часа на изучение систем допуска, вооружений и оборудования, ответственных за охрану, я пришел к выводу, что комплекс защищен, пожалуй, на уровне «тяжеловесов» вроде Форт-Нокса, Пентагона или резиденции Ким Чен Сена, так что в случае необходимости можно было потягаться в огневой мощи с целой бригадой СБР³. Впрочем, корпорация с годовым оборотом в пол триллиона старых, дореформенных долларов, вполне могла позволить себе самое лучшее.

Сейчас, правда, столь сложных задач решать не требовалось, так что пускать в ход против SATa тяжелые игрушки, оставившие бы от нападавших только горстку пепла, в мои планы не входило. Но быстрое продвижение спецназа к цели тоже не годилось, так что я запустил следующий защитный пакет.

Пять цветочных клумб, засаженных химавари – японским подсолнечником, скользнули в сторону, открывая небольшие бункера, и на волю вырвались пять сфер, размером с гимнастический мяч. Докатившись до выбранных управляющим интелом позиций, они трансформировались в «Иглозубов» – пехотных дронов, разработанных Харьковским заводом перспективных вооружений и состоявших на вооружении армий десятка стран. Ощетинившись унифицированными 20-мм «кочевниками» с электроприводом, и миниракетницами, дроны обрушили на нападавших настоящий огненный шквал, заставив тех залечь. Потерь спецназ не понес, прежде всего, благодаря мне – я выставил в настройках дронов беспокоящий огонь, не сопряженный с поражением целей – но двигаться дальше не мог, теряя темп атаки.

Впрочем, командующий штурмом размышлял недолго и через пару минут за спинами залегших бойцов замаячило полдюжины «Единорогов» – беспилотных боевых платформ, оснащенных управляемыми противотанковыми ракетами. Две из них были сразу же подбиты – атаковать механизированные цели дронам не возбранялось – но оставшиеся начали накрывать позиции «Иглозубов», маневрируя между деревьями. Одновременно камеры наблюдения зафиксировали еще одну группу спецназа, зашедшую с тыльной стороны корпуса. Становилось горячо и я уже подумывал о применении тяжелого вооружения, но тут обнадеживающе замигал огонек на экране интела.

Все выглядевшие со стороны столь эффектно взрывы, вспышки и метавшиеся туда-сюда в кажущемся хаосе лазерные лучи были лишь ширмой. Главный удар, как всегда, был нанесен беззвучно и внешне незаметно. Пока вычислительные мощности интелвирта, расположенного в Токийском центре антитеррора и управлявшего всей начинкой «Голиафов», были заняты решением задачи по преодолению защитных систем «Церебрума» без потерь в личном составе, несколько запущенных мной программ, подобно червям, рыли норки в его позитронных мозгах. Наконец, достигнув цели и перехватив управление, цифровые лазутчики отдали приказ об аварийном отключении энергопитания костюмов.

Одновременно с этим через графеновые ленты, составлявшие основу экзоскелетов, был пропущен точно дозированный электроразряд, повлекший за собой то, что конструкторы «Голиафов» называли «последний шанс». Реагируя на пробежавшие по ней электроны, словно паук на колебания сети, кристаллическая структура чудо-материала, доработанного в лабораториях «JAS», перестроилась, потеряв гибкость, но взамен приобретя алмазную прочность. Теперь находившийся внутри «Голиафа» человек не мог пошевелить и пальцем, однако сам

³ силы быстрого реагирования

костюм смог бы выдержать падение с высоты десятиэтажного дома или прямое попадание противотанковой ракеты.

И вот уже вместо десятка бегущих фигур на разном расстоянии от здания расположились, в причудливых позах, статуи нападавших. Да уж, «море волнуется раз, море волнуется два...»⁴

Покончив со спецназом, шпионы занялись «Единорогами». Автономных источников питания силовые установки платформ не имели. Снабжение углеводородом XXI века – электроэнергией, обеспечивалось дистанционно, с зависшего в километре над комплексом беспилотника. Установленный на его борту лазер испускал импульсные когерентные пучки света, поглощаемые приемными устройствами платформ, превращая их в энергию. Подчиняясь командам виртуальных диверсантов, перехватившим управление интелом, беспилотник отключил лазерную установку и взял курс на базу. Через секунду все «Единороги» замерли там, где стояли.

Удовлетворенный результатом, я откинулся на спинку кресла и пробежался взглядом по мониторам камер наружного наблюдения. Между застывших метрах в пятистах от парка бронированных машин оживленно бегали и сустились полицейские: внешний периметр оцепления безуспешно пытались прорвать толпы журналистов. Неудачный штурм наверняка должен был произвести впечатление на местных шерифов, так что ждать, судя по всему, предстояло недолго.

В унисон с моими мыслями на одном из экранов вспыхнул красный ромб входящего вызова и в развернувшемся на мониторе изображении возникла голова Ясунари Есимото, с которым мы расстались меньше двух часов назад. Выглядел переговорщик подавленным, совсем не как следует самураю, скрывающему эмоции. Морщинистый лоб, несмотря на вечернюю прохладу, покрывали капли пота.

– Konbanwa⁵ еще раз, Ясунари-сан, – приветствовал я японца. – Сдается, ваши коллеги были чересчур оптимистичны, обещая доставить вам сумасшедшего гайдзина⁶ в кратчайшие сроки, – почти процитировал я отрывок из последнего разговора шефа токийского управления полиции с Есимото.

– Рыкоф-сан, примите мои уверения в том, что я никоим образом не причастен к этим безответственным действиям, – с видимым смущением заговорил японец. – Я убеждал генерального инспектора не торопить события, но он настоял на своем. Уверяю вас, он бы никогда не осмелился отдать приказ о штурме, если бы мы обладали более детальной информацией.

– А, то есть вы считаете, что имя Ангольский палач сказало ему несколько больше, чем мистер Рыкоф, старый выживший из ума миллиардер? – усмехнулся я. По лицу японца пробежала тень гримасы, но присутствия духа он не потерял, лишь почтительно кивнув на мои слова.

– Примите мои уверения в том, что сейчас мы в полной мере осознаем, с кем имеем дело, Рыкоф-сан, – склонил он голову. – Давайте попытаемся начать сначала. Назовите еще раз требования, которые могли бы вас удовлетворить без ущерба интересам корпорации «Церебрум», администрации Токио и находящимся внутри комплекса людям.

– Мои требования, безусловно, записаны вами еще во время нашего первого разговора, – ответил я, – но если вы так просите, я могу повторить. Итак, я требую публичных гарантий от совета директоров корпорации в безвозмездном проведении повторной операции, согласно заключенного контракта. Вместо гарантий я могу обойтись решением Верховного суда Японии, обязывающем «Церебрум» провести бесплатно операцию в удовлетворяющие меня сроки. Все детали реализации этих требований вы можете обсудить с моими адвокатами, они уже вылетели из Нью-Йорка. Если мои условия не будут выполнены в течение двадцати четырех

⁴ детская игра

⁵ добрый вечер (яп.)

⁶ чужак, иностранец (яп.)

часов, я начну уничтожать заложников, а затем и инфраструктуру комплекса. Ах, да, и еще можете сообщить вашему руководству, что уровень защиты комплекса мной лично оценивается в три девятки. Говорю вам на тот случай, если шишки из корпорации не сочли необходимым делиться с вами подобной информацией. Надеюсь, вам не надо разъяснять, каких усилий будет стоить токийским силам правопорядка захват комплекса такого уровня? И какие негативные последствия возможны для близлежащих городских кварталов?

– Я немедленно передам ваши требования в соответствующие инстанции, – закивал японец. – Также я уполномочен вас заверить, что попыток штурма со стороны полиции больше будет: только что из офиса премьер-министра получена соответствующая директива.

Я удовлетворенно ухмыльнулся. Судя по всему, ребята из «Ross, Litt Specter» уже начали обрабатывать свои астрономические гонорары.

– Однако, со своей стороны, – продолжил японец, – нам необходима уверенность в том, что вы удержитесь от каких-либо неосторожных действий, которые могли бы привести к печальным последствиям...

– В этом можете быть уверены, – прервал я его. – Я ведь уже говорил: я не террорист и не смертник, о чем вам отлично известно, хоть и имею некоторое отношение к... силовым конфликтам. Все, чего я хочу – это надлежащее исполнение контракта со стороны «Церебрума». Я бы мог сейчас выйти отсюда и заняться судебными разбирательствами, но боюсь, у меня нет лишних пяти лет на все связанные с этим крючкотворства. Так что в интересах всех сторон – разрешить текущий конфликт в сжатые сроки.

– Да, я понимаю, – вздохнул японец и позволил себе утереть салфеткой лоб. – Но, все же, возможно, вы хотя бы позволите покинуть комплекс части персонала? К примеру, женщинам и...

– Ясунари-сан, – снова перебил я его, поморщившись. – Мне известна ваша репутация переговорщика, но со мной лучше в эти игры не играть. К тому же, как мне кажется, мы уже пришли к выводу, что нынешняя ситуация отличается от тех, с которыми вы обычно сталкиваетесь. Работники лабораторий, как поведал мне лично иси Накадзава, – я бросил взгляд на сжавшегося в кресле ученого, – часто задерживаются на рабочих местах допоздна и ночуют в комнатах отдыха, так что прекрасно могут провести сутки в изоляции в лабораторных помещениях. Искренне надеюсь, что более времени и не понадобится.

– Кхм, кхм, – откашлялся японец, видимо, перебирая в голове варианты, способные сподвигнуть меня на освобождение персонала. Не найдя таковых, он снова посмотрел в экран.

– Что ж, Рыкоф-сан, я вас понял и также, как и вы, надеюсь, что ваш конфликт с корпорацией будет улажен в кратчайшие сроки. Если вам вдруг что-либо понадобится, может в любой момент связываться со мной. Oyasumi nasai⁷.

– Oyasumi, – отозвался я, ткнул стилусом в точку возле уха японца и изображение свернулось в точку, прервав связь.

⁷ спокойной ночи (яп.)

2

Итак, задача-минимум выполнена: по меньшей мере в течение суток можно быть относительно уверенным в том, что столичные вояки меня не побеспокоят. Бдительность, конечно, ослаблять не будем – я запустил «Аргус», пакет кодонов, обеспечивающих неусыпный надзор за внешним периметром парка – но теперь хотя бы можно вплотную заняться насущными проблемами. Покончив с настройкой защитных систем я встал из кресла и обернулся к своим невольным пленникам.

– Ну вот, Накадзава-сан. – Я прошелся по комнате и остановился возле стола. – Видите, все не так страшно, как вам казалось. Надеюсь, ваше руководство проявит благоразумие и доставленные мной временные неудобства скоро закончатся. Вам что-нибудь нужно? Может, хотите пить?

– Спасибо. – Страх в глазах ученого если и не исчез, то значительно уменьшился. – Не отказался бы от стакана сока. Позволю себе повториться: я совсем не уверен, что совет директоров пойдет вам навстречу. Сто миллиардов – не та сумма, с которой легко расстаются.

– Десять миллиардов, – поправил я его, освобождая одну руку, чтобы он мог взять со стола поставленный мной стакан. – Впрочем, я вас понимаю, от старых привычек трудно отказываться: уж пять лет прошло, а нет-нет и скажешь сто долларов вместо десять амеро или Линкольн вместо Вилья.

– Десять или сто, – пожал тот плечом, – главное, что это – очень много. Годовой бюджет корпораций уровня «General Tesla» или «Orange». Хотя, кому я это говорю: вы-то в этой сфере куда как больше меня разбираетесь.

– Разбираюсь, – кивнул я. – И допускаю, что ваш совет не захочет идти навстречу. Поэтому и включил в список требований возможность разрешения нашего спора Верховным судом. Конечно, при обычной процедуре до него дело бы дошло дай бог лет через пять, но уверен, что сложившиеся чрезвычайные обстоятельства и мои адвокаты сумеют обосновать необходимость срочного рассмотрения спора. Ну, а если уж ситуация зайдет в тупик, то... – я в свою очередь пожал плечами, – будем оптимистами и надеяться, что до этого не дойдет.

– А вы, Амели, – обратился я к девушке. – Тоже хотите пить?

– Не отказалась бы. – Она смотрела на меня все с тем же поражающим спокойствием, что и при нашей внезапной встрече сегодняшним утром. – Только перед этим хотела бы избавиться от несколько иной... проблемы.

– Ах, да, понимаю, – кивнул я и наклонился, чтобы снять с нее наручники, когда на меня *накатило*. Виски заломило, под веки словно сыпанули песка, в бок будто воткнули спицу, желудок сжался мячом для гольфа. Меня бросило в пот и сразу же холодный озноб пробежал по спине.

– ...у вас приступ, – издалека, как сквозь вату, донесся голос ученого. Будто я сам не знаю. Медленно, словно шагая по зыбучему песку, я двинулся к столу, на котором лежало несколько разноцветных упаковок и стоял стакан с водой. Воистину, дьявол кроется в мелочах. Я должен был принять свой обычный набор еще десять минут назад, но порция эндорфинов после удачной нейтрализации штурма затуманила мозг. Наконец, я дошагал до стола, мучительно вспоминая, успел я отстегнуть наручники девушки или нет. Но мысль повернуть голову, чтобы разрешить внутренний спор, представлялась более болезненной. Трясущимися руками, ломая хрупкий пластик обертки, я выдавил на стол десяток капсул, собрал их в ладонь и, с трудом закинув эти фармацевтические пули в рот, запил водой.

Боль потихоньку отступала, сознание прояснялось и первым делом я оглянулся. Переживания были напрасными: запястья девушки все также надежно фиксировали наручники. Она смотрела на меня взглядом, в котором плескался коктейль из любопытства, ожидания,

капельки сочувствия. Нет, определенно ее стоит напугать, чтобы увидеть страх в этих красивых темных, словно спелая черешня, глазах. Но сначала закончим дело.

Уже почти без боли я взял со стола пневмошприц, поднес к шее, нажал на доньшко. Негромкий пшик и резкий холодный укол подтвердили успешное завершение операции по очередному спасению моего брэнного тела. Шумно дыша, отходя от приступа, я опустилсЯ в кресло и посмотрел на своих пленников. Только сейчас ощутил, что рубашка вся мокрая от пота.

– Вы нас напугали, мистер Рыкоф, – спокойным голосом, без тени страха, сказала Амели. – Обычно мы рекомендуем нашим пациентам включать в интелфонах функцию напоминания о необходимости приема лекарств.

– Последние три года эту функцию выполняет мой секретарь, – утирая лоб, сообщил я. – В девяносто три года, знаете ли, трудно доверять бездушной машинке.

Мы сидели каждый в своем кресле, смотрели друг на друга и с трудом верилось, что только сутки назад передо мной лежал новый мир, плод шестилетних усилий, который надо было лишь сорвать и вкусить его сладость. А сейчас мне, как в плохом боевике, сцепив зубы приходится бороться против тех, кто решил вырвать его прямо изо рта.

Как же я позволил этому случиться?...

3

– Итак, как прошла неделя?

– Честно говоря, не очень. Снова те же сны.

– Луанда?

– Луанда. Сан-Кристобаль. Хайберский перевал. Везде, где убивал я и где могли убить меня. Особенно часто почему-то снится одна девушка, анголлка. Ее убили свои же, мятежники: считали, что она работает на гонконгцев. По-моему, у нее не осталось ни одной целой кости. И они вырезали ей глаза.

– Принимали лекарства, которые я прописала?

Я посмотрел на Оливию, размышляя, говорить ли правду. Затем решил, что если обманывать личного психотерапевта, то какой тогда вообще в нём толк.

– Нет, – наконец покачал я головой. – Я чувствую себя после них как зомби: передвигаюсь, словно с ватой в ушах, в голове туман. Это плохо сказывается на работе.

– Хорошо, я выпишу новый рецепт, – кивнула Оливия. – А какое чувство преобладает в ваших снах? Страх, тревога, может быть, апатия или беспричинное отчаяние?

– Скорее, тревога, – сказал я. – Мне все время кажется, что я куда-то опоздал и из-за этого могут пострадать люди. Близкие мне люди. Кажется, что я чего-то не успел. Что-то важное для меня. А когда почти уже понимаю, что именно, то просыпаюсь.

Задумчиво покивав, Оливия спросила.

– Вы подумали над вопросом, который я задала на прошлой неделе?

– Верю ли я в бога? Нет. В смысле, подумал и мой ответ – нет.

– Ваш ответ звучит весьма уверенно. Почему же вы не озвучили его в прошлый раз?

– Ну, вы же сказали, чтобы я подумал и ответил на следующем сеансе, – слабо улыбнулся я.

– Хорошо, – Оливия сделала пометку в блокноте. – То есть, вы отрицаете возможность посмертного существования? Вы это каким-то образом обосновываете для себя или просто верите?

– Знаете, – начал я, – отец мне в детстве рассказывал, что в Советском союзе – это страна, в которой я родился и провел детство – в удостоверении личности была так называемая «пятая графа», в которой указывалась национальность. В армии США, как потом оказалось, тоже существовала своя пятая графа, только она выбивалась на армейских жетонах и отмечалось в ней вероисповедание солдата. Никогда не мог понять, зачем рядом с личными данными и группой крови надо указывать, к какой религии ты относишься. Разве что это полезно мусульманам: вы знаете, что Аллах велит хоронить их в день смерти до захода солнца? В армии я не раз задавался вопросом: если бы я назвался поклонником Одина, меня бы сожгли в погребальной ладье в случае смерти?

– И на вашем жетоне, наверное, значилось «атеист»? – предположила Оливия.

– Да.

– Это, конечно, интересно, но вы так и не ответили на мой вопрос.

– Я обосновываю это очень просто, – улыбнулся я. – В своей жизни я видел больше убитых, чем крупниц кофе в этой банке, – кивнул я на стоявшую в шкафу за спиной Оливии банку молотого «Kimbo Premium». – И никто из них мне с того света даже весточки не прислал. Хоть бы заваливший призрак – так нет же.

– Понятно, – наморщила она переносицу. – Но вы ведь участвовали в боях. Неужели вас никогда не посещало чувство, что вас способно спасти только обращение к какому-то высшему всесильному существу?

– Нет, – покачал я задумчиво головой. – Даже в Афганистане или Ираке, сидя в укрытии под перекрестным огнем – а знали бы вы, как противно завывают минометные снаряды – я чаще думал о том, что сегодня приготовила на ужин отцу мама, или какого размера прелести у раздатчицы из солдатской столовой. Когда после Луанды мне удалили селезенку и часть желудка, я думал не о каком-то абстрактном божге, а о мастерстве профессора Соболева, вырастившего новые из моих же клеток. Честно говоря, больше всего меня тогда интересовало не прощение грехов, а технология изготовления искусственных органов. А впоследствии я волновался из-за того, что, как оказалось, современная медицина не может обеспечить их стопроцентное приживание. Являюсь ли я рабом божьим – это еще вопрос, а вот рабом фармакологии, с тех пор – однозначно.

Оливия, поразмышляв, кивнула и задала новый вопрос.

– Скажите, я знаю, что в 2036-м вы, к сожалению, потеряли жену и двоих детей. Почему вы не женились повторно?

– Сложный вопрос, – пожал я плечами. – Скорее всего, не хотел, даже теоретически, еще раз пройти через то, что довелось испытать в тот год. Вероника и близнецы...они были моей жизнью. Наверно тогда от каких-нибудь крайностей меня спасла только работа. А когда я немного отошел, то решил, что лучшим выходом будет никогда и никого не пускать так глубоко в сердце. Так что с тех пор и до 2054-го я довольствовался ни к чему не обязывающими кратковременными связями.

Блеснуло ли во взгляде Оливии, когда она услышала год, когда я потерял интерес к противоположному полу – все-таки почтенные семьдесят четыре – уважение или мне только показалось? Впрочем, какое это имеет сейчас значение?

– А дети вне брака? – спросила она.

– Исключено, – я решительно рубанул рукой в воздухе.

– Тогда вы не могли не задумываться о том, для кого создали такую громадную компанию, я бы даже сказала – империю, – предположила Оливия.

– Задумывался, – нехотя ответил я и, не дожидаясь нового вопроса, продолжил. – Вообще-то, если между нами, я размышляю над вариантом создания собственного клона с последующим усыновлением и передачей компании по наследству.

– Вот как, – подняла та брови и даже ее раскосые глаза, казалось, сделались больше. – Но ведь клонирование человека, если я правильно помню...

– Запрещено десятком конвенций, – закончил я за нее. – Но вы ведь сами упомянули про империю. Я вам даже больше скажу, – вошел я во вкус, – я подумываю о включении в завещание пункта, обязывающего передавать все права на «*Military and tactical Resources Inc*» каждые пятьдесят лет новому клону. Тогда можно будет сказать, что я воистину обрел бессмертие и мои точные генетические копии будут продолжать благородное дело по уничтожению себе подобных. Я посчитал, что половины моего состояния должно хватить, чтобы доказать его действительность в любом суде. Как вам? – торжествующе посмотрел я на нее.

Та неопределенно пожала плечами, черкая в блокноте.

– Так что вы скажете? – спросил я. – В чем мои проблемы? Как мне избавиться от этих снов?

– В общем-то, Питер, – сказала Оливия после недолгого молчания, – ваша проблема, учитывая возраст, довольно банальна. – Она сделала паузу. – У вас – средней тяжести танатофобия. С этим вполне можно работать и я...

– Танатофобия – боязнь смерти? – уточнил я свои знания древнегреческого.

– Да.

– Помилуйте, – усмехнулся я. – Каждый знает, что рано или поздно умрет. И я – не исключение. Но чего тут бояться?

– Именно так вы и думаете в обычном состоянии, – удовлетворенно кивнула Оливия. – Когда бодрствуете. А во время сна ваш подспудный страх освобождается: отсюда и та самая неясная тревога, боязнь куда-то не успеть и страх за близких вам людей. Вы только не волнуйтесь. В вашем возрасте – это вполне распространенное явление. Восемьдесят семь лет – даже в наше время не шутка.

– Да половине моих соседей по «Forbes» за восемьдесят, – сказал я. – У каждого – собственные клиники, лучшие специалисты. С нашими возможностями, таким, как мы – ещё пыхтеть и пыхтеть на этом свете. У меня все внутренние органы после замены – как у молодого: главное, блокираторы отторжения тканей вовремя принимать – и живи себе, радуйся.

– Питер, – сочувственно, вроде бы, вздохнула Оливия. – Если бы вы знали, сколько из этого списка посещают психотерапевтов с такими же проблемами – вы бы сильно удивились. Миллиардное состояние – это не таблетка от смерти, к счастью ли или к несчастью. Вы можете сколько угодно убеждать себя и меня, что вам неведом страх перед смертью, но пока вы не признаете, прежде всего, перед самим собой, наличие проблемы, вы так и будете страдать от бессонницы или видеть сны, которые мы с вами обсуждали в прошлый раз. И моя задача – помочь вам в этом. Поэтому...

Я вдруг выпал из разговора, размышляя над тем, что увидел в ее приемной, автоматически отвечая на вопросы и кивая в нужных местах.

– Мистер Рыкоф, сосредоточьтесь, пожалуйста, – обратила та, наконец, внимание на мой отстраненный вид.

– Оливия, а как вы относитесь к теориям о генетическом пределе? – неожиданно вырвался у меня вопрос.

– Хм, – она внимательнее присмотрелась ко мне. – Интересный у вас ход мысли. Я, конечно, знаю, что эта теория сейчас довольно популярна и многие частные центры заявляют, что могут спрогнозировать предел жизни отдельно взятого человека. Но я бы, честно говоря, запретила такие тесты специальным законом.

– Почему?

– По-моему, это очевидно, – сердито поджала она губы. – Вне зависимости от реальности этого метода, если вы верите в него – вы просто программируете себя на определенную дату смерти, указанную в тесте. Так что таймер включает не какой-то там ген, а ваш собственный мозг. Это очень опасная вещь, Питер, так что советую вам держаться от этого подальше.

– Понятно, – кивнул я и посмотрел на часы на ее столе. – Мое время, насколько я понимаю, истекло?

– Да, – кивнула она. – Итак, резюмируя сегодняшнюю встречу: я рада, что мы выявили вашу проблему, хоть вы еще, судя по всему, не готовы признать ее существование. Я бы хотела, чтобы до следующего сеанса вы посмотрели эти голофильмы, – подала она мне листок с десятком строчек. Мне бросилось в глаза одно из названий: «Старикам здесь не место». – Сегодня к вечеру я пришлю вам на почту новый рецепт.

– Всего доброго, – я встал из глубокого кресла, пожал ее узкую чуть прохладную ладонь и откланялся.

Выйдя из кабинета в приемную, где сидела секретарь, я подошел к небольшому столику, стоявшему возле дивана для посетителей. На столешнице лежала перемешанная стопка цифровых листов. Именно их я просматривал полтора часа назад, в ожидании застрявшей в пробках Оливии. Потасив за краешек, я вытащил один из листов, «Петербургские вести», убедился, что это тот самый, привлечший мое внимание, свернул в трубочку и, проигнорировав удивленный вопрос помощницы Оливии, вышел из кабинета к ожидавшему Анджею.

4

– Куда? – обернулся ко мне Анджей, когда мы упаковали свои тела в просторный «Руссо-Балт Люкс».

– В офис.

Я активировал интелфон, отключенный на время визита к Оливии, и он сразу завибрировал, отмечая пропущенные вызовы. Больше половины было от Донны. Я набрал номер.

– Ну, что там? Я же говорил, что буду без связи два часа.

– Я знаю, – хладнокровно ответила Донна. Она была со мной больше двадцати лет, так что давно научилась пропускать недовольство мимо ушей. – Но с вами пытался связаться Бенджамин Уоршоу: он сейчас в городе и хотел лично обсудить какие-то вопросы.

– Хмм. – Уоршоу был правой рукой Романа Корнева, а тот, в свою очередь, возглавлял совет директоров компании, заправлявшей десятком подводных добывающих платформ на шельфе моря Лаптевых. Вместе с инфраструктурой компании в Тикси, куда перекачивались добытые углеводороды, это составляло лакомый кусок для любой частной охранной структуры.

– Ладно, свяжись с Уоршоу и скажи, что я готов с ним пообедать, скажем, через полтора часа. Закажи столик в «Золотой Орде» и напхни через час. И еще: скажи Надзаро, что он мне минут через сорок понадобится. Отбой.

Отключившись, я достал цифролист, развернул. Если Оливия действительно заботится о том, чтобы ее клиенты не задумывались о разных вредных, с ее точки зрения, теориях, то ей надо лучше следить за тем, что секретарь оставляет на столе для развлечения посетителей. Впрочем, к главному титулу – *«Ужасный скандал в английском королевском семействе: сын наследника престола – чернокожий»* – занимающему треть листа, претензий быть не могло, а заинтересовавшая меня надпись приютилась где-то в подвале, так что немудрено, что девица могла ее пропустить. А скорее всего, ей было просто наплевать.

«Генетический предел: богатые тоже плачут», гласил скромный заголовок в рубрике «Интересно о науке». Я ткнул в надпись и на большую часть листа развернулась статья, которую я мельком пробежал в приемной Оливии.

«Каждый из вас, читатель, – писал некий Изяслав Клецкин, – конечно же, не раз встречался с рекламой услуг клиник по замене органов. Еще бы: новое слово в медицине – поизносились печень или забарахлило сердце? Просто смени их на выращенные из твоих же клеток и живи, как говорится, до сто двадцать лет. Ведущий специалист московского центра «Возрождение плюс», профессор Игорь Дравинцев в специальном комментарии для «Петербургских вестей» высказал мнение, что после решения проблемы отторжения замененных органов, возможно говорить о том, что на жизненный цикл человека будет влиять лишь физическое состояние его мозга. На вопрос нашего издания, может ли идти речь о практическом бессмертии, он ответил: «пожалуй, именно это нам всем и предстоит узнать».

Однако любому, кто интересовался услугами подобных клиник, известно, что средняя стоимость одной операции по замене, к примеру, легкого или селезенки, по карману лишь весьма состоятельным людям, или обладателям страховок класса «бриллиант». Пользуясь случаем, наш долг – напомнить читателям, что Страховая компания «Петербургский Щ.И.Т.» предлагает страховые полисы по самым низким ценам в рассрочку.

И что же, спросит взволнованный, а возможно, и разгневанный, читатель: теперь сладко жрущие и мягко спящие богатеи будут жить вечно? Но не все так просто, как выяснили специально для вас «Петербургские вести».

Все больший вес в научном мире набирает теория о генетическом пределе биологического организма. Ее адепты, среди которых, к примеру, один из ведущих академиков РАН, Г.С. Васильев, считают, что старение любого организма на нашей планете, в том числе и чело-

века, изначально заложено в его геноме. В продолжении всей жизни организма, как следует из этой теории, в геноме накапливаются ошибки, до тех пор, пока в один прекрасный или, скорее, ужасный, день жизненно важные для него гены постепенно начинают отключаться. Такими генами, по мнению Васильева Г.С., могут быть те, что регулируют энергетический обмен на клеточно-молекулярном уровне и отвечают за обновление клеточного материала. При этом, как он считает, более других на пути обоснования этой теории продвинулся известный японский биохимик Мацумото Окадо, удостоенный в 2045-м году Нобелевской премии сразу в двух направлениях – химии и физиологии, и медицины, за исследования в области старения генов. Напомню читателям, что это тот самый ученый, который десять лет назад объявил о разработке нового метода омоложения организма, подвергнутого обструкции научным миром.

Медицинский центр Окадо уже почти двадцать лет проводит генетические анализы для всех желающих узнать свой естественный предел. И, насколько известно нашему изданию, еще никто не пережил срок, указанный в результатах теста. Как говорится, доводы Окадо оправдывает само время.

Итак, если эта теория верна, то радуйся, среднестатистический читатель: никакие деньги мира не спасут современных Крезов и Шейлоков от встречи с высшими силами и от адских котлов за преступления в земной жизни. А это значит, что еще не все в этом мире можно купить за деньги. Этой оптимистической новостью вас сегодня удивлял и огорошивал всегда ваш – Изя Клецкин.»

Я ткнул в уголок листа и статья снова скукожилась до заголовка. В задумчивости поводил пальцем по поверхности и вдруг от неожиданности сначала вздрогнул, а потом раздраженно выругался сквозь зубы: взгляд упал на ещё одну колонку, озаглавленную «*Elysium Space*» предлагает места на марсианских кладбищах».

Я откинулся на кожаную спинку сиденья и начал считать до ста, успокаивая зашедшее в испуге сердце. Оливия даже не подозревала, насколько права, называя мне диагноз: страх смерти. Только проблема была совсем не в том, что я не хотел этого признать. Дело, как раз, было в том, что я осознавал его чересчур ярко. Все началось примерно месяц назад, когда мне впервые за последние сорок лет приснилась Луанда и я проснулся в холодном поту с колотящимся сердцем. И с четкой мыслью, оставившей странное послевкусие: я не хочу умирать! Я не принимаю аксиому, что я – смертен.

Не то, чтобы я не знал или не думал об этом раньше. Но, как и все, держал это знание где-то на периферии сознания, как пьяница, знающий, что у него в подкладке пиджака зашита мелкая купюра на крайний случай. В молодости к этому добавлялось то, что я слишком часто встречался лицом к лицу с курносой, воспринимая тогда смерть скорее игрой в русскую рулетку, чем неотвратимостью.

Но почему-то настоящий страх пришел ко мне только сейчас. Возможно, это было связано с Донной? Ей всего сорок пять, двадцать из которых она провела возле меня. Наверно, после Вероники она была самой близкой женщиной в моей жизни. Два года назад у нее в мозгу нашли какую-то редкую разновидность опухоли. Естественно, я сделал все, что в моих силах: самые дорогие клиники, лучшие нейрохирурги, цена не имела значения. Опухоль вырезали и все забылось как страшный сон, но через полгода она объявилась снова и все завертелось по новому кругу. И снова, вроде бы, все чисто, и вновь рецидив через три месяца. За два года врачи шесть раз выжигали кусочки ее мозга и с каждым разом все ближе вероятность того, что после очередной операции она превратится в овощ, когда беспощадный луч медицинского лазера сожжет очередную порцию нейронов.

Как бы там ни было, с того дня практически каждую ночь мне снились страницы моей жизни, связанные со смертью и, смотря правда в глаза, приходилось признать, что в этом фолианте чересчур много листов. В конце концов я обратился к Дитмару, главному врачу кельнского медицинского центра компании. Без подробностей, просто сказал, что мне нужна консульта-

ция психотерапевта. И он посоветовал Оливию Вэй – наглядное опровержение киплинговских строчек: «Запад есть Запад, Восток есть Восток, и с места они не сойдут». Ее отцом был француз, а мать – китайка из Шанхая. Союз двух цивилизаций принес отличный плод – восточная утонченность лишь подчеркивала французский шарм.

Целью походов к Оливии было вовсе не желание получить ответ о подоплеке моих снов. Я хотел, сам не знаю почему, чтобы о моих страхах мне сказал чужой человек, профессиональный поверенный чужих тайн. Самому признаться в этом мне мешал непонятный стыд. Я дважды начинал разговор с Дитмаром, намереваясь поделиться своими проблемами, но оба раза так и не смог решиться.

Сегодня, когда я услышал от Оливии собственный диагноз, вроде бы даже стало легче дышать. Остается лишь дожидаться ночи, чтобы узнать, принесет ли это также облегчение в мою ночную жизнь.

5

– Приехали, – вырвал меня из раздумий голос Анджея.

Я вышел из машины и зашагал к зданию, мельком глянув на полуметровые буквы названия на фасаде: «*Military and tactical Resources Inc.*». Никакой краски: голый титано-вольфрам. За те десять лет, что они тут висят, даже царапинки не заимели.

Зайдя в вестибюль и кивнув охранникам, в сопровождении Анджея я зашел в личный лифт и через полторы минуты уже выходил в своем офисе. Кивком отпустив телохранителя, я подошел к огромному, во всю стену, окну, за которым расстилалась гладь Финского залива. Со стометровой высоты открывался великолепный вид на море, особенно во время ненастья.

Я прижался лбом к холодному стеклу и пару минут просто стоял, ничего не делая и стараясь ни о чем не думать, отдаваясь на волю мысленного созерцания собственного «Я». Это, конечно, не было каким-нибудь дзен-буддизмом, но все же помогало расслабиться в перерывах напряженного дня. Я вернулся за стол, из-за которого поднялся каких-то три часа назад, сел в кресло. Активировал селектор.

– Да, – откликнулась Донна.

– Что там Надзаро?

– Обещал через пять минут быть.

– Хорошо. Соедини с Дитмаром.

Секунд через двадцать голотарелка перед столом тихо загудела и выбросила пучок лазерных лучей. Воздух над ней загустел призрачным облаком.

– Привет, Дитмар, – сказал я, адресуясь проявившейся в воздухе голове. – Не отвлекаю?

– Как может отвлекать главного врача центра его владелец? – улыбнулся он. Я до сих пор не мог привыкнуть к тому, как улыбка меняет его узкое суровое лицо викинга, смягчая и разглаживая морщины, которые он принципиально не желал сводить медицинскими методами. – Я тебя слушаю, Питер.

– Да вот, хотел узнать, как ты относишься к теории о генетическом пределе организма. – Я поудобнее устроился в кресле и налил в стакан клюквенного морса.

– Хмм. – Дитмар присмотрелся ко мне, как будто пытаюсь обнаружить какой-то, один ему известный знак, на моем лице. – Интересный вопрос. И неожиданный. Можно спросить, с чем связан такой интерес?

– Просто прочитал статью, – пожал я плечами, – появились вопросы. Насколько она верна, по-твоему?

– Трудно сказать, – теперь уже он повторил мой жест. – На мой взгляд, твердых доказательств этой теории до сих пор нет. Те исследования, что есть, выглядят солидно, но проверить их истинность не представляется возможным. Разве что со временем, когда накопится достаточный статистический материал...

– Ты имеешь в виду результаты генетических анализов? Умирают ли люди в предсказанное им время?

– В том числе и это, – кивнул тот. – Хотя существует мнение, и я его, по чести разделяю, что эти результаты могут играть роль своеобразного плацебо, только с обратным знаком: такие тесты обычно заказывают люди, уже верящие в эту теорию, а следовательно, узнав результат, также могут уверовать в его истинность и убедить себя, что им надо умереть в определенный отрезок времени. – Дитмар потянулся куда-то вбок и вытащил из воздуха сигарету. – Некая разновидность НЛП⁸, в общем. – Так, может, теперь ответишь, с какой целью интересуешься. Я бы крайне не рекомендовал...

⁸ нейролингвистическое программирование

– А что скажешь о Мацумото Окадо? – перебил я его. – Ведь он за исследования в этой области получил Нобелевскую премию, так?

– Мацумото, – протянул Дитмар. – Ох и вопросы у тебя сегодня. Ну, получил. И что? Он же за исследование получил, а не за доказательство. Он многое осветил, конечно, но...

– А что ты сам о нем думаешь? – я отпил морса.

– Кто-то считает его гением, – почесал он переносицу, – кто-то – шарлатаном и прожектором.

– А ты?

– Я, скорее, поставил бы на первое, – после недолгих раздумий ответил тот и вопросительно посмотрел на меня, безмолвно требуя объяснений.

– Ладно. – Я оперся локтями на стол. – Ты хотел знать, зачем я все это спрашиваю? Изволь. Я хочу, чтобы ты заказал в центре Окадо анонимный анализ моей генной карты для определения генетического предела.

– Что?! – лицо Дитмара перекопилось. – Питер, не сходи с ума. Тебе восемьдесят семь, ты понимаешь, что...

– Дитмар, придержи коней, – поднял я руку. – Ты за кого меня принимаешь? За какого-нибудь фаталиста, желающего покориться Року? Я никогда ничего не делаю просто так, пора бы уже запомнить.

– Ну, хорошо, – смирился тот. – Как там у вас говорят? Вольному – воля? Я займусь.

– Вот и отлично. Как только получишь результаты, сразу перебрось мне. Как там Донна? Боюсь уже её спрашивать.

– Пока без изменений, – он досадливо передернул щекой. – Ждем очередного рецидива. Крайний срок – неделя. Будем надеяться, что на этот раз обойдется.

– Спасибо. Не буду больше задерживать. Отбой.

Я отключил голотарелку, включил селектор.

– Донна, что Надзаро?

– Ждет.

– Пусть зайдет.

Дверь открылась, пропуская Марко Надзаро, главу аналитического управления корпорации. Из моего ближнего круга он был самый молодой: всего сорок лет, последние девять из которых работал на «MTR Inc». Типичный итальянец – смуглый брюнет с волоокими черными глазами, сразившими немало дам. Быстрая торопящаяся походка, при разговоре вечно жестикулирует, рубя ладонями точки и восклицательные знаки. Густая шевелюра усыпана колечками жестких, как проволока, волос, будто после завивки.

– Добрый день, Питер.

– Привет, Марко. Выпьешь? – я пододвинул ему стакан и графин с морсом.

– Воздержусь. – Он сел в кресло, закинул ногу на ногу, вопросительно взглянул.

– Как Джанин? – спросил я. – Как дети?

– Питер, когда вы задавали мне подобный вопрос в этом офисе в последний раз, – усмехнулся тот, – все закончилось поиском шпиона в нашем отделе перспективных разработок. Почему бы сразу не перейти к делу?

– Что ж, можно и перейти. Держи, – я положил на стол «Петербургские вести», ткнул в интересующий меня заголовок и щелчком отправил лист через столешницу в сторону Марко. Тот, ловко подхватив его, зафиксировал открытую статью.

– Там упоминается некий Мацумото Окадо, – кивнул я на лист. – Японец. Я хочу, чтобы ты собрал на него максимальное досье. Акцент – на всем, связанном с его научными изысканиями. Заниматься будешь один, все данные – на бумажных носителях. Уровень допуска – три А.

Марко, просматривая статью, неопределенно хмыкнул, услышав, что делиться полученной информацией он вправе исключительно со мной одним.

– Значит, генетический предел и метод омоложения, – посмотрел он на меня исподлобья. – Для того, чтобы выхватить суть предстоящего задания, ему понадобилось меньше минуты. Именно за это я его и ценил. – Сроки?

– Предварительный доклад жду через неделю. Потом, возможно, уточню направления, по которым рыть дальше. Вопросы?

– По сути задачи – нет, – пожал тот плечами, что означало, что вопросы иного характера его явно одолевают.

– Вот и хорошо. Тогда более не задерживаю.

Дождавшись, пока Надзаро выйдет из офиса, я откинулся на спинку кресла, закрыл глаза и помассировал веки, размышляя над только что состоявшимися разговорами. Уверенность, что я всё делаю правильно, не покидала меня всё время, пока я говорил с Дитмаром и Марко. Но стоило остаться одному, как внутри поднялась волна сомнений, в попытке всё переиграть и оставить как есть. «Танатофобия, – шептал один из внутренних «я». – Это всего лишь страх смерти вынуждает тебя бросаться из крайности в крайность. Но от судьбы ведь не уйдешь, Питер. Так зачем же ты хочешь узнать отмеренный тебе срок? Неужели ты нашел алмаз в навозной куче, которую из себя представляет этот «желтый» листок?»

Наконец, преодолев внутреннее искушение, я открыл глаза и вызвал Донну.

– Скажи Анджею, пусть готовят машину: я еду на встречу с Уоршоу.

6

– Так что пока мы уперлись в соглашение о неразглашении. Без него юристы «Церебрума» исключают какие-либо переговоры.

Я задумчиво подергал мочку уха, рассматривая несколько листов, врученных мне Харви.

– И что, у них нет даже просто деловых предложений? Никакого намека на метод?

– Абсолютно, – покачал тот головой. – Только цена: сто миллиардов.

– Ладно. – Я встал и прошелся по кабинету к стеклянной стене. – И почему бы нам не подписать соглашение? Для судебного спора, если вдруг что, оно все равно роли не играет, а за пределами суда мне и самому не с руки с кем-либо это обсуждать.

– У меня и самого бы не было возражений, – пожал тот плечами, – но напрягает, что начальником юридической службы у них – Алекс Таннер.

– Таннер? – я остановился возле кресла, в голове завертелись колесики. Фамилия звучало знакомо. Таннер, Таннер...

– Постой, – я посмотрел на Харви. – Это не сын ли Трэвиса Таннера?

– Точно, – кивнул он. – Он самый и есть.

– Хм. – Я вернулся в кресло, задумался. «Ross, Litt Specter» представляли интересы «MTR Inc» с первого дня создания компании, и фамилия Росс в то время означала Майкла, отца Харви. Трэвис Таннер был одним из его злейших врагов, попортив немало крови и ему, и мне. Именно он представлял интересы истцов в Международном уголовном суде Гааги после ангольской истории.

– А мы не можем переговорить напрямую с Мацумото? – спросил я.

– Нет. Вот, – Харви подвинул мне еще один листок. – Пресс-релиз «Церебрума», информирующий, что Окадо официально отошел от дел в связи с подготовкой к собственной операции. Сейчас там вместо него заправляет некий Акихиро Накадзава, но без отмашки Таннера он к нам и на пушечный выстрел не подойдет.

– Ясно. – Раздумывая над ситуацией, я машинально переворачивал страницы досье, собранного Надзаро. Передо мной медленно перелистывалась выжимка из жизни Мацумото Окадо.

В 2000-м году талантливый японец окончил медицинский факультет Университета Осаки, чтобы следующие двадцать лет провести в лабораториях «Takeda Pharmaceutical Company Ltd». Затем, удачно женившись, открыл на деньги тестя собственный медицинский центр, занимающийся продвижением новой фармацевтики, основанной на применении модифицированных генов, а также исследованиями в области молекулярной биологии и биохимии.

В 2045-м получает уже упомянутую Нобелевскую премию, а его центр начинает на платной основе делать генетические тесты всем желающим узнать дату своей «естественной» смерти. Три года спустя, в возрасте семидесяти лет, создает новую компанию, в форме закрытого акционерного общества, под названием «Церебрум». Полный состав акционеров неизвестен, но по неподтвержденным данным среди них есть такие гиганты, как швейцарская «Novartis», французская «Sanofi» и китайская «Artificial intelligence system».

В 2056-м пресс-служба «Церебрума» распространила информацию о создании Мацумото методики продления человеческой жизни, однако каких-либо подробностей в пресс-релизе не раскрыла, приводя лишь предполагаемую стоимость операции – около ста миллиардов долларов. В поисках деталей Марко потратил баснословную по любым меркам сумму, но на выходе получил лишь смесь домыслов, сплетен и слухов, в которых, в разных пропорциях, упоминались доктор Эйнар Шварцкопф, мировое светило в области клонирования, и Алекс

Чен, самый молодой профессор МИТ⁹, специализирующийся в сфере систем искусственного интеллекта. К этому можно было лишь добавить тот факт, что Япония была одним из пяти государств, на территории которых разрешены эксперименты по клонированию организмов, исключая человеческие. Впрочем, секретность, непроницаемой завесой окружающая проект Мацумото, сама по себе подтверждала уровень серьезности его притязаний на открытие.

Несмотря на обструкцию Окадо, устроенную мировой научной общественностью, японец так и не раскрыл в публичных источниках деталей разработанного метода, однако в 2058-м было объявлено о подписании контракта между «Церебрумом» и Робертом Марсом, восьмидесятилетним владельцем продуктовой «Mars incorporated», капитализация которой оценивалась около ста двадцати миллиардов. Дети и внуки Марса пытались оспорить контракт в судебном порядке, заявляя о недееспособности магната, но после трехлетней тяжбы иск был отклонен и старый миллиардер стал первым пациентом Окадо.

Дальнейшая судьба Марса каждый год обрастала новыми слухами и сплетнями, но непреложными были лишь два факта: после приезда старика в медицинский комплекс «Церебрума», расположенный в Токио, его никто не видел; через год после исчезновения душеприказчика Марса из юридической фирмы «Dewey LeBoeuf» подтвердили, не разглашая подробностей, что их клиент удовлетворен предоставленными услугами и в настоящее время проходит ряд процедур, связанных с «полным обновлением клеточного материала», как туманно выразился один из старших партнеров конторы.

На момент, когда Марко начал собирать досье на Окадо, контракты с «Церебрумом» уже подписали семь человек, все, естественно, из верхушки «Forbes», поскольку, судя по всему, Мацумото строго придерживался указанной в пресс-релизе цены в сто миллиардов. Также было объявлено, что в 2069-м году ученый, которому исполнится к тому времени девяносто один год, сам подвергнется операции по собственному методу.

– Кстати, ты разговаривал с адвокатами Марса, как я просил? – вспомнил я свою просьбу.

– Да, пообедал с Джоном Дьюи. Он мало что мог сказать и я его понимаю: наверняка они подписали такое же соглашение. Но уверяет, что у него есть связь с Марсом и что условия контракта со стороны «Церебрума» выполняются.

– Ладно, – принял я решение, закрывая тощую папку. В самом низу лежал непритязательного вида листок – результаты теста, заказанного Дитмаром. Сухие строчки бесстрастно свидетельствовали, что генетическим пределом неизвестного анонима, биологический материал которого подвергся анализу, является 2076-й год, с погрешностью до трех лет в ту или иную сторону. Выходило, что если я до этого времени не попаду под машину или не упьюсь насмерть, через шесть лет над моей головой нависнет со своими ножницами Атропос¹⁰, в ожидании отмашки Лахесис¹¹.

– Подписываем соглашение, а если Таннер что-нибудь выкинет – закопаем его, как когда-то папашу. Просто хорошенько следи за ним.

– Хорошо, с этим разобрались, – кивнул Харви. – Но хотел бы уточнить одну вещь. Питер, я понимаю, что это не мое дело, но потянешь ли ты такую сумму? Я не аудитор, но...

– Ценю твою заботу, но я уже разговаривал с Клаусом, – прервал я его. – Нам пришлось пару дней попотеть за расчетами, но сейчас я уверен, что за пять-шесть лет смогу аккумулировать необходимые средства. Конечно, придется ужаться, урезать расходы, кое-что заложить, но главное – компания сможет работать и после оплаты контракта. Главное, что мы сможем использовать золото из центр...

⁹ Massachusetts Institute of Technology

¹⁰ одна из Мойр, богинь судьбы в древнегреческой мифологии, перерезающая ножницами нить судьбы человека

¹¹ одна из Мойр, богинь судьбы в древнегреческой мифологии, определяющая срок жизни человека

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.